

Будущему лауреату государственных премий и автору многих популярных песен в год алтайской командировки было всего 16 лет. Спустя два года он катал вагонетки в шахте, где строилась будущая станция московского метро «Охотный ряд». Потом была учеба в литинституте, творческая командировка на Дальний Восток, участие в походе Красной армии на Западную Украину и почти четыре года Великой Отечественной. Роман в стихах «Добровольцы» он сочинял в 1952-1955 годах. «Комсомольцев-добровольцев»

поют до сих пор. Впервые с добровольцами-ударниками юный поэт встретился на Алтае.

КОМСОМОЛЕЦ 1930 ГОДА

Сыну известного московского адвоката буквально кулаками пришлось доказывать свое право быть комсомольцем. Евгений Аронович через много лет так вспоминал день своего вступления в ряды столичного комсомола: «...Когда собрание закончилось, мы с Ваней С. поймали Борьку в коридоре и хорошо набили ему морду. Он дрался ногами, лягался, как осел, и орал, что мы не только карьеристы, но еще и хулиганы, что нам в комсомоле не место и он всегда будет об этом говорить. За что и получил еще дополнительную порцию и сказал, что мы его неправильно поняли, он говорил не о нас, а вообще, что может быть и так. Мы понимали, что он врет с перепугу и лучше все равно не станет, но отпустили его с юшкой из носу. Он никому не пошел жаловаться и несколько выше стал в наших глазах...»

В июле 1931 года для «ответственной командировки» (от Центрального бюро юных пионеров при ЦК ВЛКСМ) Евгений Долматовский выбрал не Кавказ, а далекую Сибирь, «...хотя ясно представил себе, какая паника ожидает меня на Гоголевском бульваре».

В новосибирской гостинице его соседом по номеру оказался механик знаменитого полярного летчика Бориса Чухновского. Вероятно, такие встречи способствовали созданию образов летчиков в поэме и фильме «Добровольцы».

В ПОСПЕЛИХЕ

«...Я должен ехать еще дальше — в районы. Выбрали, что поеду в Пospелихинский, Шипуновский и Рубцовский...» — рассказал поэт спустя годы в дневнике с названием «Записки уполномоченного, или мамин-сибиряк».

В райцентре Пospелиха молодой москвич оказался 18 июля 1931 года. В Доме крестьянина из-за духоты невозможно было спать. А при ночлеге на телеге во дворе пригodiлось старенькое одеяло, привезенное из столицы: «Мама хотела дать мне в Сибирь большое одеяло; к счастью, оно никуда не влезало и осталось на Гоголевском бульваре. А в Сибирь отправилось путешествовать детское одеяльце».

Евгений Долматовский

На второй день после приезда в Поспелиху Долматовский попал в коммуны имени Мамонтова. «Коммуну вижу в первый раз. Наконец-то! Сколько было разговоров — и вот она, коммуна. Шпалерами стоят длинные бревенчатые строения, они разделены на комнаты — у каждой свой вход и палисадник. Они солидно называются корпусами, хотя очень похожи на бараки, только с перегородками. Мы ели в общей столовой — хлеб и молоко. Здесь молоко не пьют, а едят ложками из мисок, оно уже становится не напитком, а едой. Здесь большинство старых коммунистов — партизаны из отряда Мамонтова. Они боролись за советскую власть и сами советская власть. Мамонтов — здешний герой. Может, с него писал Всеволод Иванов Вершинина и Качалов в спектакле «Бронепоезд 14-69» играл такого?»

В коммуне имени Мамонтова Евгений Долматовский провел «ребячье собрание», организовав дозор по охране урожая. Долматовский действовал на Алтае как собственный корреспондент журнала «Вожатый». Он считал, что авторы журнала не правы, когда представляют такие дозоры почти игрой. Это впечатление у него появилось после услышанного рассказа об убийстве Ефима Мамонтова. «Какая игра, если есть кержаки, свежа память о Мамонтове».

КУЛАКИ И ОБРЕЗ

31 июля 1931 года Евгений Долматовский записал: «...в кержацком селе обстреляли уполномоченного». На сходе в селе, который автор охарактеризовал как «очень мрачный», людям было предложено сложить обреза у колодца, их заверили, что «никто не будет искать и дознаваться — чей обрез». Позже в условленном месте был найден один обрез и патроны. Долматовский отметил в дневнике: «До прошлого года было поспокойнее, но объявление сплошной коллективизации обострило отношения в деревне. (Конечно, не в коммунах.) Есть колхозы очень непрочные, недавно слившие земельные полосы в общие поля. Когда человек пашет большое колхозное поле и вступает на тот участок земли, что раньше принадлежал ему, он пашет глубже. Если лошади — в колхозном табуне, то бывшие хозяева приносят своим коням сахар и угощают их. Несомненно, это очень древние привычки, и для того, чтобы они забылись, потребуется лет пять, не меньше».

Эти размышления продолжает и такая зарисовка, которая не вошла позже ни в один поэтический сборник Евгения Ароновича Долматовского.

Проходили мы в сени, стараясь потише.
Половицы вскрывали,
Не веря словам.
И не смели погладить ревуших мальчишек
По лохматым соломенным головам.
Подымался хозяин:
Икона святая,
И смотрел в отчуждённые наши глаза.
Бесконечную ненавистью налитая,
На колючих ресницах дрожала слеза.
Мы ломали его скопидомское счастье,
Понимая: коль встретимся с глазу на глаз,
Он убьёт нас не сразу —
Разрежет на части,
Будет слушать, как кровь убегает от нас.

Страшные строки о непростом времени в истории нашей страны. Поэт вернется спустя годы к этим воспоминаниям в стихотворении 1948 года (в год, памятный неурожаями).

БЕСПЛАТНЫЙ ХЛЕБ

Вижу трепет рассвета
И утро над завтрашним миром...
Хлеб в хрустящих пакетах
Везут по домам и квартирам.
Хлеб... Обычное дело!
И юным, и старым понятно,
Что и чёрный, и белый
Для всех будет роздан бесплатно.
Но тебе, моя дочка,
Рождённая после победы,
Исторически точно
О хлебе хочу я поведать:
Как смотрели по-волчьи
Обрезы вослед продотряду,
Как в печальном Поволжье
От голода пухли ребята,
Как в великом тридцатом
Мне Партия ехать велела
К староверам, с мандатом
Рубцовского политотдела;
Как немецким ножом
Кулаки пионера убили
И пшеничным зерном
Рот, сведённый страданьем, набили.
Но настала пора,
Стали нивы колхозов бескрайни,
И пошли трактора,
И расправили крылья комбайны.
Коль в былое взглядеться,
Увидишь огонь и руины,
И сапог чужеземца
На тучных полях Украины.
Тяжело вспоминать
Ленинградское бледное небо,
Ровно сто двадцать пять
Грамм пайкового хлеба.
Не осталось листочка
От карточек продуктовых,
Но узнай, моя дочка,
О наших дорогах суровых.
Ты запомнить должна:
Хлеб,
Бесплатный, как небо, как реки,
Был оплачен сполна
Нашей жизнью и кровью навеки.

Есть в алтайском дневнике Долматовского и почти этнографические наблюдения — описание коммуны «Новая Корея», которую создали переселенцы с Дальнего Востока в 1928 году: «Коммуна у Веселоярска, а в Рубцовске их комната — корейское представительство. Я впервые в жизни вижу корейцев. Лица их загадочно красивы, женщины кажутся всегда задумчивыми. Они меня поели обедать. Нечто сугубо национальное — огурцы в чесночном настое. Пак водил меня смотреть посева риса — засеяли пока один гектар. В Сибири рис никогда не рос, в прошлом году сеяли, но неудачно. Некоторые агрономы утверждают, что не будет риса, а другие, что будет, еще какой. Однако в этом году рис будет, наперекор природе. Триста пудов с гектара — доходная статья. Пионеры-корейцы приехали на телегах с веселыми гортанными криками. Почистив зубы, умывшись, стали играть в игру — вроде нашего чижика. Чудно кричали. Веселее всего было смотреть, как двое русских ребят-коммунаров точно так же орали по-корейски. Пионерский сбор получился необычный — я говорил не ребятам, а Борису Ли, он переводил. Впервые в жизни пользуюсь услугами переводчика. Очень забавно получается. Отряд оказался хороший, деятельный. Создали дозор урожая».

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С АЛТАЕМ

В книге Евгения Долматовского «Автографы Победы» (изд. ДОСААФ, 1972) есть такой абзац о летчике-барнаульце: «...Здесь был Вениамин Бахарев из Барнаула.

В надписях этого рода был тоже свой великий смысл; из всех республик нашего необъятного государства — союзных, автономных, из всех областей и городов, из тысяч больших и малых сел и деревень дошли советские воины до «логова», до «берлоги», олицетворенных в этом вот огромном черно-сером здании на берегу реки Шпрее».

По архивным данным можно уточнить, что Вениамин Бахарев был призван из Барнаула в 1942 году, в 18 лет. Стал воздушным стрелком в 175-м гвардейском штурмовом авиаполке, к 1945 году он старший сержант. Летом 1945 года Вениамин Иннокентьевич награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, в 1953 году — медалью «Боевые заслуги». Возможно, давняя поездка Долматовского на Алтай и заставила поэта из многих надписей на рейхстаге выделить именно надпись барнаульца.

В документальной повести Долматовского «Международный вагон» (1986) есть рассказ о военной регулировщице Наде, которой, как и героине популярного пырьевского фильма, назначили свидание «в шесть часов вечера после войны»: «После той ночи ранней весной старший лейтенант Венька Самойлович совсем обезумел. Избрав меня своим душеприказчиком, хватая меня

за ремни портупей, он только о Наде, о Наде и говорил, орал, что вопрос решен, у них будет сын Виктор или дочь Виктория, что они после демобилизации поселятся у Надиной мамы в селе Шипунове Алтайского края».

Во второй раз Евгений Долматовский побывал на Алтае во время Дней советской литературы, которые проходили в крае с 8 по 18 июня 1972 года. Литературные мероприятия были посвящены пятидесятилетию образования СССР. К тому времени вся страна знала песни на стихи Долматовского. У всех на слуху были мелодии, звучавшие в популярных советских фильмах: «Сердца четырех», «Истребители», «Александр Пархоменко», «Встреча на Эльбе», «Добровольцы», «По семейным обстоятельствам». А помните, как в телефильме «Ирония судьбы...» Женя Лукашин достает из кармана паспорт, напевая: «Москва-столица, моя Москва!» Это строки из песни «Ленинские горы» на слова Долматовского. А песня «Любимый город» в исполнении Марка Бернеса на музыку Никиты Богословского вообще стала настоящим хитом. В 1940 году фильм «Истребители», в котором она звучит, стал лидером советского кинопроката. Его посмотрели более 27 миллионов человек. Песню «Родина слышит» Юрий Гагарин пел в космосе! Песни на стихи Долматовского исполняли многие знаменитые артисты: Марк Бернес, Людмила Зыкина, Эдуард Хиль, Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, Людмила Сенчина, Леонид Утёсов. А самыми известными стали песни о войне и Победе: «Случайный вальс», «Сормовская лирическая», «Моя любимая», «Весна сорок пятого года» и др. В годы войны поэт был военным корреспондентом. Он дошел до Берлина и 1 мая 1945 года на колонне Рейхстага, как и многие красноармейцы, оставил свою фамилию. Его книга «Зеленая Брама» — трагическое повествование о сослуживцах-красноармейцах, окруженцах и пленных 1941 года, стала настольной для нескольких поколений поисковиков-энтузиастов. Алтайский дневник Долматовского «Записки уполномоченного, или мамин-сибиряк» был издан последний раз в сборнике «Было: Записки поэта» (изд. «Советский писатель», 1983). ■

